

Выступление на Семинаре по проблемам российского высшего образования.
(Европейский университет в Санкт-Петербурге, июль, 1999г.)

В.С. Магун

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ПРИТЯЗАНИЙ И ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ

Председатель. Уважаемые коллеги, мы продолжаем наше заседание и я имею честь объявить выступление Владимира Самуиловича Магуна. Владимир Самуилович. 20 минут.

Магун. Я, конечно, должен говорить о своем, но было бы неестественно не отреагировать на предыдущее сообщение, с которым выступил Д.Л.Константиновский. Поэтому я начну с короткого комментария по поводу его выступления.

Мне кажется, что Давид Львович продемонстрировал очень интересные факты, я присоединяюсь к высокой оценке осуществленного им проекта. Но, как и во время вчерашнего обсуждения, мне кажется, что о причинах и механизмах обнаруженных фактов и, соответственно, об отношении к ним можно спорить. И я бы в этой связи предложил вспомнить К.Маркса и отнестись к тому, что мы изучаем как к естественноисторическому процессу. Давайте немножко больше думать не о злой воле представителей высших классов (Вы прямо об этом, Давид Львович, не говорили, конечно, но так “читалось”, когда Вы говорили, например, про элиту в ее резервациях), а о каких-то иных, более естественных причинах, не так сильно диктуемых волей конкретных людей и социальных групп. Конечно, эти причины невозможно найти с ходу, и у меня нет окончательных ответов, но одну гипотезу я бы хотел предложить. Вот Вы сказали в своем докладе, что в 70-е годы, в последние десятилетия Советской власти, была такая политика насильственного внедрения среднего образования. Но если она была именно насильственной, то нельзя ли подумать о том, что может быть идет нормальная реакция отката. Если пружина была сжата, то как только снялось давление, она разжимается. Свобода, действительно, пришла в конце 1980-х гг. в наше общество, и оно стало более естественно развиваться. Мы же, действительно, живем в более свободной стране. И в ходе этого более естественного, более свободного развития пострадала в том числе и та насильственная духовность, или

насильственное одухотворение, которые были свойственны советскому времени (я подробно писал об этом в статьях, посвященных трудовым ценностям, одна из них была опубликована в журнале *“Мир России”*, № 4, 1998). Если подумать в этом направлении, то те же самые факты немного по-другому начинают выглядеть. Не в том дело, что нужно немедленно найти виноватых в установлении неравенства и наказать их – нет нужно подумать, нужно настроиться, что долго так будет. Нужно разрабатывать, как наши западные коллеги делают, какие-то "affirmative actions", какие-то системы выравнивания доступа к образованию, но рассчитанные уже на современную, более свободную Россию.

Теперь я перехожу к своей основной теме и хочу остановиться на **изменениях притязаний и жизненных стратегий выпускников школ**, т.е. большой группы молодежи, из которой и рекрутируются студенты (80–90% выпускников заявляют, что не согласны на уровень образования ниже высшего). Эти изменения произошли на протяжении бурного десятилетия – **с 1985 по 1995 год**, и некоторые из них носят очень резкий, радикальный, характер. Особое внимание в контексте сегодняшнего разговора мы уделим месту высшего образования в жизненных стратегиях молодежи. Мы располагаем данными, полученными в трех точках одиннадцатилетнего периода – в 1985, 1990-91 и 1995гг. И благодаря им мы сможем проследить два этапа изменений в сознании молодежи: изменения от 1985 к началу 1990-х гг. – это результат реформ М.С.Горбачева, результат “перестройки”, а российские изменения от начала 1990-х гг. к 1995г. – это, результат Ельцинского этапа реформ, результат “постперестройки”. И мне кажется, что анализ этих изменений важен не только для того, чтобы понять, что представляет собой продвинутая молодежь и студенчество, но и для ответов на звучавшие вчера вопросы о перспективах и длительности переживаемого нами переходного периода, о том, сколько лет нам предстоит бродить по пустыне.

Итак, я остановлюсь очень коротко на изменениях, которые произошли в притязаниях (целях) молодых людей и в их жизненных стратегиях, в том числе в тех элементах этих стратегий, которые касаются образования (более подробно данные материалы описаны и проанализированы в изданной под моей редакцией книге ***“Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы”***. М., Изд-во Института социологии

РАН, 1998).

Изменения **притязаний** я проиллюстрирую ответами выпускников школ на несколько вопросов, которые выступают в роли своеобразных тестов.

Вот для примера перед вами таблица 1, характеризующая должностные притязания молодых людей. Мы спрашивали их: “Какую должность вы сочли бы для себя в будущем достаточной?” и предлагали на выбор пять вариантов ответа – от рядового работника до руководителя предприятия и руководителя более высоких звеньев управления. Оказалось, что уже на переходе от 1985 года к началу 1990-х годов произошел значительный рост притязаний. В 1985 году наиболее предпочтительной для молодых людей была позиция “руководитель небольшого коллектива”, а второй по популярности – позиция руководителя подразделения внутри предприятия или учреждения. Популярность обеих этих позиций к началу 1990-х годов снизилась, а за счет них возросла привлекательность позиции руководителя предприятия (учреждения) как целого. Следующий, условно говоря, Ельцинский, этап социальных изменений переместил должностные притязания еще на более высокий уровень. В 1995 г. заметное число учащихся, как в столичных городах, так и в областном центре (г. Орле), выбирали уже должность “руководителя более высоких звеньев управления”, куда относятся руководители больших корпораций и руководящие работники органов государственного управления. Мы видим, что процесс роста притязаний затронул и столичные и провинциальные города, но все же молодежь малого города (Мценска, с населением 50тыс. человек) самые высокие должностные позиции выбирает пока реже. В итоге для Мценска образца 1995г. характерна структура притязаний столичных городов начала 1990-х гг. (но не 1985г.!), т.е. молодежь в провинции воспроизводит рост притязаний столичной молодежи, но с некоторым запаздыванием, временным лагом.

Таблица 1

Ответы учащихся выпускных классов школ на вопрос о "достаточной" должности (%% опрошенных)

	Москва - 95 Юноши Дев. 100чел 100чел	Орел - 95 Юноши Дев. 100чел 108чел	Мценск - 95 Юноши Дев. 81чел 105чел	Киев - 95 Юноши Дев. 103чел 100чел	Москва - 90-91 Юноши Дев. 189чел 197чел	Киев - 92 Юноши Дев. 76чел 129чел	Киев - 85 Юноши Дев. 284чел 341чел
Рядовой работник	8 6	8 8	7 11	1 3	10 14	8 9	10 14
Руководитель небольшого коллектива (бригадир, руков. группы и т.п.)	24 26	22 31	31 35	21 21	33 38	29 37	39 50
Руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении	13 16	16 17	28 22	16 20	14 20	13 18	33 21
Руководитель предприятия, учреждения	31 32	25 30	24 23	31 37	24 21	34 30	7 9
Руководитель более высоких звеньев управления	23 17	28 11	7 9	29 15	15 6	14 2	8 4

Резко повысились и притязания в отношении благосостояния, богатства. Проиллюстрирую это на примере притязаний учащихся на жилье. Вопрос звучал так: “Какие жилищные условия Вы считаете достаточными для своей будущей семьи?” И в ответ надо было указать число комнат в будущей квартире (или доме), а также предполагаемый размер семьи. Как видно из табл.2, ожидаемый размер семьи все время устойчив, приблизительно 4 человека, т.е. муж, жена и двое детей, вот такая модель семьи. А желаемое число комнат непрерывно повышалось: вы видите, что в советское время, в 1985 г., на 4-х человек планировалось 3 комнаты иметь, т.е. число членов семьи минус один. А эпоха Горбачева добавила еще одну комнату, стало 4. Теперь семья из 4-х человек, и 4 же комнаты на эту семью. Эпоха Ельцина добавила еще одну комнату, и теперь молодежь планирует вчетвером жить в 5 комнатах. Иными словами, каждые 5 лет добавляли в притязания молодежи по комнате.

Таким образом за 10 лет радикально повысились жизненные притязания молодежи. Изменились и представления о том, как реализовывать эти притязания, т.е. **жизненные стратегии**. И здесь мы тоже задавали довольно примитивные вопросы, а именно: согласились бы Вы на такие-то и такие-то жертвы, если это понадобится для осуществления ваших планов? Предложенные жертвы были двух типов. Первый тип – это жертвы качеством жизни, включающие готовность работать в условиях сурового климата, выполнять физически тяжелую или вредную работу, надолго расставаться с семьей, выполнять работу ниже уровня своей квалификации и т.п. Этот тип жертв был характерен для советского времени, когда наиболее доступным, не связанным с моральными издержками конформизма способом достичь более высокого уровня жизни был отъезд куда-нибудь на Север, в суровые условия жизни, или переход на тяжелую, менее квалифицированную работу. Второй тип предложенных молодым людям жертв

Таблица 2

Ожидаемый учащимися выпускных классов размер будущей семьи и "достаточное" число комнат в основном жилище

	Москва - 95 Юноши Дев. 100чел 100чел		Орел - 95 Юноши Дев. 100чел 108чел		Мценск - 95 Юноши Дев. 81чел 105чел		Киев - 95 Юноши Дев. 103чел 100чел		Москва - 90-91 Юноши Дев. 189чел 197чел		Киев - 85 Юноши + Дев. 625чел	
Ожидаемый размер семьи (число людей)												
<i>Средняя</i>	3.7	3.8	4.0	3.9	3.9	3.8	3.9	3.9	3.9	3.9	около 4	
<i>Ошибка средней (0.05)</i>	0.08	0.07	0.08	0.07	0.16	0.07	0.07	0.08	0.06	0.06	–	
"Достаточное" число комнат												
<i>Средняя</i>	4.4	4.9	5.5	5.3	5.6	4.7	5.2	5.1	4.2	4.1	3.2	
<i>Ошибка средней (0.05)</i>	0.18	0.21	0.27	0.19	0.40	0.18	0.26	0.18	0.11	0.09	–	

включал готовность к совсем иным трудностям: готовность усердно учиться в трудном институте, выполнять ответственную работу, отложить женитьбу или замужество с тем, чтобы иметь время для обучения и карьерного старта. Эту категорию трудностей объединяет то обстоятельство, что по мере их преодоления, человек приобретает новые знания, умения, квалификацию – словом то, что называют человеческим капиталом. И вот основной результат, который мы получили, – это преобладание сегодня в сознании выпускников школ ориентации именно на вторую группу жертв (ведущих к накоплению человеческого капитала), рост этой ориентации и все снижающаяся готовность (а она и с самого начала была невысока) жертвовать качеством своей жизни и жизни своей семьи.

Данный вывод подтверждается, в частности, материалами, приведенными в табл.3. В ней приведены средние значения факторов (проще говоря – суммарных индексов), но прежде несколько слов о том, какова структура этих факторов. Мы подвергли факторному анализу 14 признаков, характеризующих готовности человека к разнообразным жертвам, и получили два фактора, в каждом из которых противостоят два интересующих нас типа жертв. Иными словами, оказалось, что если человек согласен поступиться качеством жизни, то он не готов тратить силы на накопление своего человеческого капитала. а тот, кто готов усердно приобретать знания и квалификацию, наоборот, не согласен подвергать себя страданиям, снижающим качество жизни.

Говоря более конкретно, в **первом** из обнаруженных факторов столкнулись, с одной стороны, готовности работать в условиях, вредных для здоровья, выполнять физически тяжелую работу, работать в условиях сурового климата и выполнять опасную работу, а с другой – готовности учиться в трудном вузе, переучиваться и осваивать новую профессию, выполнять работу с повышенной ответственностью, отложить создание семьи, выполнять монотонную работу. Я назвал его **фактором готовности к физическим лишениям versus готовности к бремени учения и ответственности**. Во втором из упомянутых факторов противостоят друг другу, с одной стороны, готовность усердно учиться в трудном вузе, выполнять работу с повышенной

Таблица 3

Средние оценки учащихся выпускных классов по факторам готовности к преодолению трудностей и динамика этих оценок в первой половине 1990-х гг.

	МОСКВА			КИЕВ	
	Юноши	Девушки		Юноши	Девушки
	<i>Фактор "готовность к физическим лишениям (-) versus готовность к бремени учения и ответственности"(+)</i>				
а)1990-91, 1992	-0.43	-0.05		-0.22	+0.19
б)1995	+0.02	+0.24		+0.06	+0.39
Разность (б – а)	+0.45	+0.29		+0.28	+0.20
Значимость разности	0.001	0.02		не знач.	не знач.
	<i>Фактор "готовность к бремени учения и ответственности (-) versus готовность к информационным и эмоциональным лишениям" (+)</i>				
в)1990-91, 1992	-0.11	+0.49		+0.06	+0.29
г)1995	-0.32	-0.10		-0.25	-0.18
Разность (г – в)	-0.21	-0.59		-0.31	-0.47
Значимость разности	не знач.	0.000		0.04	0.000

ответственностью, отложить создание семьи, выполнять опасную работу, а с другой – готовность выполнять работу ниже уровня собственных способностей и умений, готовность выполнять однообразную, монотонную работу и готовность пожертвовать чувствами при заключении брака. Я назвал этот параметр **фактором готовности к бремени учения и ответственности versus готовности к информационным и эмоциональным лишениям.**

Как видно из таблицы 3, в первой половине 1990-х гг. значения обоих факторов менялись в сторону повышения готовности активно учиться и переучиваться, выполнять ответственную работу (которая обычно требует более высокой квалификации) и откладывать брак, пока не будут завершены учеба в вузе и первые этапы профессиональной карьеры (5 из 8 различий статистически значимы). Таким образом, мы видим, что в процессе переживаемых российским обществом социальных изменений большая категория молодежи, оканчивающая среднюю школу, все в большей мере ориентируется на стратегию, строящуюся вокруг приобретения хорошего и конкурентоспособного высшего образования.

Как показывают данные других исследователей, оживление ориентации на образование характерно не только для наиболее продвинутых слоев молодежи, к которым принадлежат выпускники школ. Тонкий результат, указывающий на изменение отношения молодежи к образованию, получила в пору своей работы во ВЦИОМе моя коллега Екатерина Хибовская. Она обращалась уже не только к сравнительно образованной публике, вроде выпускников школ, а к молодежи в целом: Вы не учитесь? Хорошо. Ну а почему вы не учитесь? Назовите причины по которым вы не учитесь? И вот оказывается, что с 1991-го по 1995-й год *в три раза меньше* стало число людей, которые в ответ на этот вопрос называли в качестве причины вариант *"у меня достаточно высокий уровень образования"*. В 1991-м году 45% молодых людей из разных страт говорили, что я не учусь, потому что у меня и так достаточно высокий уровень образования, а в 1995-м году их осталось всего 15%. Они все равно пока не учатся, но в сознании уже вызревает нечто, или хотя бы уходит сопротивление учению. Т.е. идет пусть медленный, естественный, не рывком, но процесс движения в сторону готовности молодежи учиться, осознания ею ценности образования, пусть даже и инструментальной. Это, мне кажется, неплохо. Спасибо за внимание.

Плюснин. Скажите, на каком основании вы отнесли отложенное желание иметь семью к интеллектуальным страданиям а не к физическим?

Магун. Спасибо за остроумный вопрос. Всегда трудно найти точные слова для краткого обозначения факторов. Речь идет о том, что человек откладывает брак ради приобретения образования и ради старта карьеры. Т.е. все страдания, которые при этом испытываются подчинены образовательно-карьерным целям, и молодые люди мирятся с этими страданиями, чтобы потом продавать приобретенную квалификацию. В противоположном же случае такого соподчинения целей и средств нет, целевая цепочка более короткая и человек ориентирован на то, чтобы *непосредственно* продавать работодателю свои физические страдания.

Татьяна Суспицына. У меня вопрос-уточнение о вашем факторном анализе. В последнем слайде, когда Вы делали вывод, выходило, что различия незначимы. Вы не могли бы вернуться и повторить на каком основании Вы делали свой вывод.

Магун: Всего я предпринял 8 сравнений ответов учащихся, опрошенных в 1995г. с ответами учащихся, опрошенных в начале 1990-х гг. Принципиально важно, что все без исключения сравнения свидетельствуют, что сдвиги произошли в одном и том же направлении, а именно: за прошедшие несколько лет стратегии учащихся изменились в сторону большего акцента на приобретение образования. К тому же большинство различий (5 из 8) статистически значимы.